

Смертин Юрий Григорьевич

ХЯНГА: ЖИВЫЕ ГОЛОСА КОРЕЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Статья посвящена древней корейской поэзии в жанре хянга. Анализируется ее связь с народным песенным творчеством и шаманистскими ритуалами, отмечается мощное влияние буддизма, утверждавшегося в Корее в раннем Средневековье, выявляются основные поэтические мотивы и темы. Представленные автором переводы стихов сопровождаются комментариями, раскрывающими их потаенный смысл и нравственный посыл. Делается вывод о том, что поэтическая традиция Кореи берет свое начало в древних хянга.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 169-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

COMMUNICATION INCOMPETENCE AS A RISK FACTOR OF COMMUNICATIVE FAILURES OF A JOURNALIST (BY THE EXAMPLE OF PRECEDENT TEXTS)

Serkina Vera Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Astrakhan State Technical University
serkina_vera@mail.ru

In the article the cases of inadequate communicative competence of Astrakhan journalists are considered. The examples with violation of the various components of communicative competence, namely: ethical, linguistic and proper communicative are analyzed. The dependence between the communicative incompetence of a journalist and the low level possession of background knowledge by him/her, in particular, the precedent texts is identified and grounded. On the basis of the conducted research the author concludes that in the writing of his/her own text a journalist should make strict selection of linguistic means including the precedent texts, take into account the genre specificity of the created by him/her texts, and follow the ethical standards. The article can be recommended for reading by journalists both who begin and improve their professional skills, as well by all people interested in the question of media language.

Key words and phrases: precedent text; communicative competence; ethical component; cultural taboo; proper communicative component; linguistic component.

УДК 82-15

Филологические науки

Статья посвящена древней корейской поэзии в жанре хянга. Анализируется ее связь с народным песенным творчеством и шаманистскими ритуалами, отмечается мощное влияние буддизма, утверждавшегося в Корее в раннем Средневековье, выявляются основные поэтические мотивы и темы. Представленные автором переводы стихов сопровождаются комментариями, раскрывающими их потаенный смысл и нравственный посыл. Делается вывод о том, что поэтическая традиция Кореи берет свое начало в древних хянга.

Ключевые слова и фразы: Корея; поэзия; хянга; буддизм; шаманизм; хваран.

Смертин Юрий Григорьевич, д.и.н., профессор
Кубанский государственный университет
usmer@hotmail.com

ХЯНГА: ЖИВЫЕ ГОЛОСА КОРЕЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ©

Поэтическое творчество всегда была важной частью корейской культуры. Корни поэзии следует искать в народном песенном творчестве и ритуальных церемониях, призванных демонстрировать магическую силу племенного вождя, реализовывать его сакральную функцию.

Китайские хроники, описывая племена, населявшие Корейский полуостров на рубеже нашей эры, отмечали пристрастие аборигенов к пению и танцам. Особенно это качество проявлялось во время жертвоприношений Небу и праздников, посвященных окончанию сева и сбору урожая, во время которых устраивались коллективные возлияния. Все это сопровождалось игрой на музыкальных инструментах (барабанах, литаврах и т.п.).

Возникновение и формирование поэтической традиции в Корее, по общему мнению, относится ко времени формирования корейских протогосударств. Очевидно, что, как и в Древнем Китае, первые поэтические тексты были связаны с ритуальной деятельностью племенных вождей.

Первоначальная поэзия существовала в устной форме, поскольку собственной письменности у корейцев не было. В первые века н.э. на Корейском полуострове происходит становление государств Силла, Пэкче и Когурё, испытывавших значительное культурное влияние Китая. Ритуальные поэтические тексты стали записывать на *ханмуне* (корейской разновидности древнекитайского языка *вэньянь*) и включать в исторические сочинения. Потомки комментировали тексты, объясняли туманное содержание, и потому существуют значительные разночтения в их трактовке. Вот, например, одно из самых древних стихотворений «Песня, призывающая дух принца» («Ён сингун га»), более известное как «Закливание черепахи». Оно было включено первым корейским историографом Ким Бусиком в «Самгук саги» («Исторические записки Трёх государств», 1145 г.):

Черепаха, эй, черепаха, слушай меня!
Из-под панциря высунь голову, я велю!
Если сейчас же не высунешь ты головы,
На огне поджарю тебя и съем [1, с. 403]! (*перевод Е. Витковского*).

В «Самгук юса» («Забытые деяния Трёх государств», прим. 1285 г., автор монах Ирён) утверждается, что в 42 г. н.э., в третью луну, девять вождей и около двухсот человек пришли на гору Гуджи, вырыли яму на ее вершине и радостно распевали это магическое заклинание, испытывая чувство благодарности [13, р. 38].

Содержание их понять не просто, но совершенно очевидно, что они связаны с религиозными верованиями древних корейцев и должны были воздействовать на богов и духов, чтобы с их помощью обеспечить плодородие земли, отвести болезни и природные катаклизмы, вызвать дождь и т.п. Такие стихотворные произведения, исполнявшиеся под музыку и сопровождавшиеся танцами, не были индивидуальным творчеством, не выражали эмоции и опыт конкретного человека. Они были частью образа жизни, входили в общинный ритуал и были тесно связаны с религиозными верованиями.

В то же время, т.е. в начале н.э., зарождается и авторская поэзия, творцами которой были представители правящего класса. В «Самгук юса» помещено стихотворение «Песня об иволгах» («Хванджо га»), авторство которого приписывается Юри, правителю Когурё (24-57 гг. правления.). Сочинил он его в критический момент своей жизни, когда был вынужден расстаться со своей второй женой, не выдержавшей нападок первой супруги и ушедшей из дома. Юри-ван бросился в погоню, но не смог уговорить беглянку вернуться. Опечаленный он сел под деревом и, увидев двух иволог, сложил песню, которая считается самым древним лирическим произведением в Корее [Ibidem, p. 53]:

Иволги золотые порхают вдвоем,

Парой летят – неразлучны он и она.

Об одиночестве ныне мысли мои:

С кем скоротаю теперь дорогу домой [1, с. 403] (перевод Е. Витковского).

Справедливости ради следует сказать, что эта красивая и грустная история не является единственной версией происхождения стихотворения; у ученых есть и другие гипотезы.

Древние поэтические произведения существовали не только на ханмуне. В 692 г. ученый Сон Чхон изобрел систему записи корейских слов китайскими иероглифами, одни из которых использовались для передачи значения слов (в основном имен существительных), а другие – для транскрибирования глаголов, суффиксов и флексий [5, p. 68]. Эту систему со временем стали называть *хянчхаль* (другое название *иду*), и использовалась она до 1443 г. Стихи, записанные на *иду*, получили название *хянга*, что означает «местные песни», т.е. корейские, а не китайские. Система была настолько сложной и неформализованной, что расшифровкой смысла хянга ученые занялись лишь в середине XX века. Прорывом в области исследования хянга следует считать фундаментальный труд корейского профессора Ян Чу Дона, который стал основой для всех дальнейших работ, посвященных древней корейской поэзии [16].

Для перевода хянга на современный корейский язык ученым приходится скрупулезно разбирать каждую букву, каждое слово и каждую фразу. К работе над расшифровкой привлекаются археологи, историки, палеонтологи, специалисты по фонологии, и все равно смысл многих хянга остается загадочным и может быть понят неоднозначно. Известный корейский исследователь Ким Ки Чун образно сравнивает работу по расшифровке смысла хянга с разборкой древних руин: «Как каждый камень или обгоревшая деталь древнего сооружения должны быть очищены от земли, отмыты, пронумерованы и реставрированы, так и каждая буква, и каждое слово этих древних поэм реконструируется кропотливым трудом ученых» [7, p. 12].

Термин хянга применяется к разнородной группе поэтических произведений, записанных на *хянчхаль* в период Объединенного Силла (668-936 гг.) и в начале периода Корё (918-1392 гг.). Поэзия в эти времена была чрезвычайно популярна в корейском обществе. Стихи распевались во время религиозных церемоний и народных праздников. Количество стихов исчислялось, видимо, десятками тысяч [8, p. 21]. В 888 г., как сообщается в «Самгук саги», по распоряжению королевы Чинсон была создана первая антология корейской поэзии, названная «Самдэмок» («Собрание трех поколений»). Предполагается, что она состояла из нескольких сотен стихов, созданных не только в Силла, но также в Пэкчэ и Когурё [15, с. 3]. Однако она была уничтожена во время монгольских нашествий (1231-1259 гг.), и до настоящего времени дошло только 25 хянга: 14 самых древних представлены в «Самгук юса» и 11 в «Кюнё джон» («Жизнь Учителя Кюнё», 1075 г.). Хотя последние были созданы позже, в период Корё, между 963 и 967 гг., их также относят к силланской поэзии [11, p. 48].

По форме известные нам хянга различны. Одни имеют четырехстрочную строфу, что связывает их с народными песнями. Другие – десятистрочные, четко разделяющиеся на три раздела; первая четырехстрочная строфа представляют собой введение в предмет стихотворения, следующие четыре строки усиливают эмоциональное восприятие предмета, заключительная двустрочная строфа является неким выводом [6, p. 61]. Различная длина стихов, возможно, отражает развитие хянга от примитивных фольклорных песен, которые было легко запоминать и исполнять, до изысканных стихотворений в десять строк со сложным содержанием, созданных утонченными поэтами из высшего класса общества.

Авторами 3-х из 25-ти хянга были *хвараны* – молодые люди, объединенные в элитарную военно-патриотическую организацию [2, с. 75-76]; 17 хянга принадлежат буддийским монахам; 2 – женщинам. Буддизм в указанный период имел большое влияние в корейском обществе, силланская культура была преимущественно буддийской. Монахи были наиболее грамотными и уважаемыми людьми. Авторами «Самгук юса» и «Кюнё чжон» были монахи. Кюнё принадлежит авторство 11 хянга, которые использовались для обучения буддийской этике. В обществе хваранов буддизм, наряду с конфуцианством, занимал главенствующее положение, а сами они имели тесные связи с монастырями. Две женщины, которым приписывается авторство хянга, были набожными буддистками, одна из них – монахиня [9, p. 21]. Поэтому содержание большинства хянга или буддийское, или навеяно буддизмом.

Но не только буддизм был источником хянга: большую роль в формировании мировоззрения корейцев играл местный шаманизм, и ранние хянга, связанные с народным творчеством, несут на себе его отпечаток. Создание

хянга мыслилось как магический акт воздействия на мир в целом или на отдельные его феномены. Разумеется, для этого требовалась соответствующая обстановка. Многие хянга создавались лунной ночью, на берегу реки или пруда. Человек в состоянии огромного внутреннего напряжения как бы пропускал через себя ось мира и произносимыми словами в форме хянга мог влиять на космос в целом [4]. Изучая хянга в историческом, культурологическом и этнопсихологическом аспектах, можно, хотя бы частично, реконструировать мировоззренческую систему древних корейцев. Этой проблемой успешно занималась М. И. Никитина; она полагала, что в хянга отражена некая общая картина мира, носящая мифопоэтический характер, и «в ней воплощена система представлений о мире, ориентированная на воссоздание и поддержание космического порядка, что на Дальнем Востоке часто оказывалось почти тождественным созданию и поддержанию государственности» [3, с. 9].

Рассмотрим некоторые хянга в хронологической последовательности. Перевод сделан автором по книге большого знатока корейской поэзии, профессора П. Ли, который перевел хянга на современный корейский язык и дал близкий к оригинальному тексту вариант на английском языке [12].

Маттун – Ямсовый мальчик

Эта хянга в четыре строки датируется временем правления короля Чинпхёна (579–632 гг.). Ирён рассказывает следующую историю (все хянга, помещенные в «Самгук юса», сопровождаются прозаическими комментариями составителя, написанными на классическом китайском языке).

У женщины-крестьянки, жившей на берегу Восточного озера, неподалеку от Кёнджу, столицы Силла, был сын по имени Чан, но люди звали его Маттун («Младший ребенок»). По легенде, возникшей позже, он был зачат от дракона, выплывшего из озера. Юноша выращивал ямс и продавал его в округе. Услышав о необыкновенной красоте третьей дочери короля, принцессы Сонхва, он приехал в Кёнджу с возом ямса и стал раздавать его детям на улицах. Взамен он просил распевать сочиненную им песню, в которой он намекал, что принцесса каждую ночь уходит из дворца, чтобы заняться с ним любовью. Очень скоро эту песню распевали на каждом углу, и она достигла королевского дворца. Скомпрометированную принцессу отправили в ссылку, в отдаленную местность у границы с государством Пэкче. На пути из столицы её встретил Маттун, который предложил свои услуги в качестве провожатого и защитника. Изгнанница согласилась, поскольку он внушал доверие и был хорош собой. Нескольких дней хватило, чтобы молодые люди полюбили друг друга, и тут Сонхва выяснила, что это и есть тот самый Маттун, и объяснила все произошедшее магическим действием песни. Вместе они отправились в Пэкче, где и поженились. Маттун стал королем Пэкче под именем Му-вана (600–641 гг.) и правил очень успешно.

Хотя в этой легенде присутствуют реальные исторические фигуры, все остальное, как считают многие исследователи, выдумкой, и потому существует немало теорий происхождения этой хянга.

Принцесса Сонхва
Очень хочет замуж.
Ночью она сбегает
Обнимать Маттуна (здесь и далее перевод автора – Ю. С.).

Песня о комете

В период правления короля Чинпхёна государство Силла находилось под угрозой вторжения японцев. Защитить страну были призваны хвараны, которые, кроме военной подготовки, большое внимание уделяли национальной культуре и нравственному самовоспитанию. Три высокопоставленных хварана отправились в знаменитые Алмазные горы (*Кымгансан*). Посещение этих гор, воспетых поколениями поэтов и художников, считалось крайне желательным для всякого образованного человека. В это время монах Юнчхон увидел на небе огромную комету, затмевавшую своим светом звезды. Это был недобрый знак, свидетельствовавший о нападении японских войск, переправившихся через Восточное море. К тому же, хвараны могли заблудиться, поскольку ориентировались по звездам. Юнчхон поднялся на гору и громко зачитал написанное только что стихотворение. Чудесным образом на небе появились сияющая луна, затмившая комету, а яркие звезды указали хваранам путь. Комета исчезла, а с ней и угроза японского вторжения.

Вот замок прибрежный у моря Восточного.
Гандхарва игрою своею богов услаждает.
Чужие солдаты любят замок волшебным.
Горят ярко факелы, в небо ракеты взлетают.

В то время хвараны в Алмазные горы пошли,
Их путь освещен был луной воссиявшей.
Комета метлою своею дорогу луне подмела.
Тут кто-то воскликнул: «Смотрите, комета!».

Луна закатилась уже, след кометы простыл.
Когда мы увидим еще ту звезду длиннохвостую?

Народная песня

Это ода в честь монаха Ян Джи, жившего во время правления королевы Сондок (632–647 гг.). Он прославился тем, что привязывал мешок к своему посоху, который мог летать, и отправлял это сооружение собирать подаяние. Посох стучал в дома горожан и крестьян, и они наполняли мешок деньгами и едой. Таким образом, монах ни в чем не нуждался, и, более того, имел средства, чтобы строить храмы и пагоды. Когда он

работал над созданием пятиметровой статуи Будды для храма Ёнмёса, ему охотно помогали многие мужчины и женщины, которые носили глину и распевали песню. Составитель утверждал, что и в его времена эта песня была популярна в народе и исполнялась при посадке риса и строительстве домов.

Проходим, проходим, проходим,
Идем через скорбь и страданья.
Чрез многие страданья все вместе.
Стремимся к добру, и идем.

Скорблю о своем господине Тэмале

Стихотворение приписывается Сир О, хварану, жившему во времена правления короля Хёсо (692-702 гг.). Однажды Сир О был арестован по подозрению в незначительном преступлении и брошен в тюрьму. Тэмаль, его старший начальник, с помощью взятки сумел вызволить заключенного. Преисполненный благодарности, Сир О поклялся вечно служить своему заступнику. Но ничто не бывает вечным. Прошло время, и Тэмаль упокоился в могиле, на которой Сир О и сложил следующую хянга:

Все люди стенают, горюют,
Что вёсен прожито так много.
Красивое Ваше когда-то лицо
Морщины нещадно избороздили.
Но, если когда-нибудь вдруг
Окажемся вместе в Том мире,
Вы вспомните, сердце мое
Скорбило всегда на заросшей могиле.

Плач по умершей сестре

Эта песня также создана известным монахом Вольмёном на могиле его юной сестры. Когда он читал стихи, внезапный порыв ветра унес лежащие на алтаре бумажные деньги, предназначенные для загробной жизни в Чистой земле, и они полетели на запад, т.е. туда, где располагался рай. Это означало, что сестра уже пребывает там.

Жизни и смерти дорога
Каждому здесь суждена.
Уже ты ее завершила,
Мне не сказавши «прощай».
Куда мы идем – неизвестно.
Вот ветер осенний подул –
И листья вокруг разлетелись,
А вместе когда-то росли.
Заканчивай путь свой, сестра,
И жди меня в Чистой земле.

Ода хварану Кипха

Кипха был другом монаха Чхундама, известного поэта. Последний, восхищаясь благородством, умом и аскетизмом хварана, написал стихи, и сам король Кёндок, как говорят, очень высоко их ценил. В отличие от других хянга, помещенных в «Самгук юса», эта не сопровождается предисловием Ирёна.

Разве луна, прежде, чем воссиять,
Не рассеивает в небе ночном
Скопленья темных облаков?
У этой реки Кипха когда-то стоял,
Лицо его отразилось в воде голубой.
Теперь отраженье души его вижу
На галечном дне в глубине.
Хваран, ты как могучая сосна,
Которой нипочем мороз и снег.

Искусство управления

Король Кёндок успешно правил государством Силла в течение 24 лет, но тут вдруг возле дворца появились танцующие горные духи. Он решил пригласить добродетельного монаха, чтобы изгнать беспокойных и непрошенных гостей. Первый кандидат был им отклонен, а вторым стал Чхундам, который оказался около дворца, возвращаясь после посещения горного храма, посвященного Будде будущего Майтрейи. Из разговора выяснилось, что монах дважды в год посещает этот храм и молится там за мир и процветание королевства. Кёндок попросил его изгнать духов, но вместо чтения молитв Чхундам заварил себе чай и, подняв чашку, прочитал только что сочиненные стихи. Король был в восторге. Духи с тех пор не появлялись во дворце, а государство пребывало в мире.

Король, народом правящий, – отец.
 Министры быть должны как любящая мать.
 А подданные – это дети неразумные,
 Коль любишь их – они ответят тем же.

Народ неповоротлив, может и лениться,
 Но прояви любовь, и будет жить в достатке.
 Должны жить люди там, где родились, –
 Вот справедливый путь правления страной.

Великий мир восторжествует, если каждый –
 Король, министры и народ ведут себя как должно.

Песня Чхоёна

При короле Хонгане (875-886 гг.) государство Силла процветало и народ жил в достатке. Однажды король, сопровождаемый свитой, отправился в путешествие к побережью Восточного моря. Погода была прекрасная, но вдруг небо закрыли черные облака, а на землю опустился густой туман. Идти дальше было невозможно, и король попросил придворного астролога разьяснить ситуацию. Тот заявил, что все это вызвано гневом Короля-Дракона Восточного моря, который завидует процветанию Силла, и нужно как-то умиловить его. Хонган, немного подумавши, объявил, что для Короля-Дракона он построит на вершине горы прекрасный храм с видом на море. Немедленно появилось солнце, а из моря пожаловал сам дракон в сопровождении семи сыновей и большого числа музыкантов и танцоров. Несколько дней продолжались развлечения. Наконец, король и сопровождавшие его лица отправились в обратный путь. В знак своего расположения Король-Дракон отправил с ними одного из своих сыновей. Его звали Чхоён, и вскоре он проявил себя с самой лучшей стороны в качестве администратора, за что Хонган разрешил ему жениться на прекрасной девушке из знатной семьи. Но тут произошло несчастье. Дух оспы, привлеченный красотой жены Чхоёна, обратился прекрасным юношей, и когда она осталась одна, утащил ее в спальню мужа и совратил. Вернувшийся навеселе Чхоён стал свидетелем этой сцены, но подавил свою боль и запел песню, сопровождая ее танцем. Услышав и увидев все это, злой дух, пораженный самообладанием обманутого мужа, пообещал не появляться там, где будет находиться Чхоён или даже его изображение, и убрался восвояси. С тех пор народ вешает изображение Чхоёна на воротах, чтобы изгнать духа болезни. Эта хянга считается самой известной из всех силланских стихов и используется шаманами для изгнания злых духов. С периода Корё на деревенских праздниках урожая исполнялся «танец Чхоёна».

Всю ночь напролет пировал
 В луной освещенной столице.
 Вернулся домой, и в постели
 Увидел, о, ужас, четыре ноги.

Ну, две ноги, несомненно, мои.
 Чьи же две остальные тогда?
 Да, ноги мои, вот эти, пожалуй,
 Но нет, их убрали под одеяло.

Как уже отмечалось, автором еще 11 хянга был монах Кюнё (923-973 гг.). В свое время он считался самым крупным авторитетом в области буддийского учения и с 958 г. председательствовал на экзаменах, по результатам которых монахам присваивалась ученая степень. В 963 г. король Кванджон приказал построить для Кюнё монастырь Квибопса, и этот выдающийся монах стал его настоятелем [10, р. 77, 437]. Кюнё оставил после себя много трудов, в частности, он писал комментарии к сутрам, но более всего он прославился своими хянга, которые использовались для воспитания монахов в духе глубокой набожности. В 1075 г. последователи Кюнё опубликовали компендиум его трудов, куда вошли и хянга. Вот некоторые из них.

Колени преклоняю перед Буддой,
 Чей образ кистью разума рисую.
 И плотью, и умом своим стремлюсь
 Достичь конца концов – успокоенья.

Повсюду растворен, в частице каждой,
 Четыре света стороны Он возглавляет.
 Подобно морю, Он заполнил этот мир,
 Поэтому всегда служить Ему я должен.

И тело брненное мое, и речь, и разум,
 Идите к Будде, будьте с ним навеки.

***

И лед, и вода – суть одно вещество.
 И майя, и бодхи в Ученьи – одно.
 Тебя и меня Будда принял в себя,
 Живущие все в этом мире есть Он.

Дано нам стремиться к заслугам его,
 Путем, Им открытым, дано нам идти,
 Избавиться можем от шумного «я»,
 И счастье других принимать как свое.

И коль по стопам Его следуем мы,
 То зависти чувству нет места в умах.

***

Пускай мое стремленье к совершенству
 Послужит во спасение других людей
 И приведет заблудших к просветленью,
 Увидят пусть они в конце Великий Свет.

Когда поймешь, что есть Одно, что – Множество,
 Преодоленные пороки станут для Него алмазами.
 И Бодхисаттвы отдают другим свои заслуги,
 Обет исполнив сострадания великого

И Он, которому служу, и я – единосущны:
 Одно у нас с Ним тело и одно сознание.

Насколько сохранившиеся хянга отражали уровень современной им поэзии? Наверняка, она была богаче имеющихся образцов, но, думается, основные тенденции древнего поэтического творчества стихи, имеющиеся в нашем распоряжении, отражают вполне адекватно. Уже говорилось о том, что в большинстве хянга ясно ощущается буддийское влияние, но тематика их значительно шире: в них присутствуют мотивы любви, печали, скорби, разлуки с друзьями. Самые короткие хянга – «Матгун – Ямсовый малый», «Народная песня» – были, видимо, народным творчеством и существовали задолго до создания «Самгук юса». Некоторые («Скорблю о господине Тэмале», «Ода хварану Кипха») отражают мировоззрение хваранов и посвящены выдающимся членам этой организации. Есть нравоучительная поэма («Искусство управления»), шаманская песня для изгнания злых духов – «Песня Чхоёна», заупокойная молитва Вольмёна и, конечно же, стихи-молитвы Кюнё. Благодаря хянга мы можем полнее представить древнюю историю корейского народа и его картину мира в их неповторимой поэтичной самобытности. Темы, которые встречаются в хянга, станут доминирующими в корейской поэзии последующих веков, и, прежде всего, в сиджо – вершине литературного творчества корейцев. Поэтому хянга можно считать базовым компонентом поэтической традиции Кореи.

Список литературы

1. **Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии.** М.: Художественная литература, 1972. 944 с.
2. **Курбанов С. О.** История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. 680 с.
3. **Никитина М. И.** Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982. 327 с.
4. **Никитина М. И.** Поэтическое слово в корейской культуре // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. С. 388-389.
5. **A History of Korean Literature** / ed. by P. H. Lee. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 580 p.
6. **Kim Hung-gyu.** Understanding Korean Literature. N. Y.: M. E. Sharpe, 1997. 235 p.
7. **Kim Kichung.** An Introduction to Classical Korean Literature. From Hyangga to P'ansori. N. Y. – L.: M. E. Sharpe, 1996. 231 p.
8. **Kim Unsong.** Hyangga, the Oldest Korean Songs. Seoul: One Mind Press, 1986. 148 p.
9. **Kim Yeol-gyu.** Hyangga // Korean Poetry. An Anthology with Critical Essay. Seoul: Korean Culture & Art Foundation, 1984. P. 19-28.
10. **Korea. A Historical and Cultural Dictionary** / ed. by K. Pratt, R. Rutt. L.: Curson, 1999. 568 p.
11. **Lee I., Ramsey S. R.** The Korean Language. N. Y.: State University of New York, 2000. 375 p.
12. **Lee P. H.** Poems from Korea: A Historical Anthology. Honolulu: University Press of Hawaii, 1974. 196 p.
13. **Samguk Yusa. Legends and History of Three Kingdoms of Ancient Korea.** Seoul: Silk Pagoda, 2006. 382 p.
14. **삼국유사.** 서울: 소문문화사 (Самгук юса. Сеул: Сомун мунхва, 1996. 564 с.).
15. **장덕순.** 한국문학사. 서울: 선명문화사 (Чан Ток Сун. История корейской литературы. Сеул: Сонмён мунхва, 1987. 186 с.).
16. **양주동.** 고가 연구. 서울: 보고사 (Ян Чу Дон. Изучение древней корейской поэзии. Сеул: Погоса, 1957. 265 с.).

HYANGGA: LIVING VOICES OF THE KOREAN ANTIQUITY

Smertin Yurii Grigor'evich, Doctor in History, Professor
Kuban State University
usmer@hotmail.com

The article is devoted to the ancient Korean poetry in the hyangga genre. The author analyzes its relation with the folk song and Shamanic rituals, emphasizes the strong influence of Buddhism adopted in Korea in the early Middle Ages, identifies the basic poetical motives and themes. Poem translations represented by the author are accompanied with the commentaries revealing their hidden meaning and ethical message. The researcher concludes that Korean poetical tradition originates from the ancient hyangga.

Key words and phrases: Korea; poetry; hyangga; Buddhism; Shamanism; Hwarang.